

Было немного не по себе.

И в то же время чувствовалось удовлетворение...

Лу Юаньчжи слишком долго не ел досыта. Другие не могли насытиться из-за отсутствия еды, а он — из-за того, что еды было слишком много, и он был слишком привередлив, слишком потакал своим желаниям. Поэтому все эти годы он ел, как кошка, лишь пару кусочков, следуя своему настроению.

Его аппетит был слабым, и процесс еды превращался в борьбу между его предпочтениями и силой воли. Сила воли у него всегда была неплохой, но сердце больше склонялось к предпочтениям, поэтому он всегда действовал по своему усмотрению.

Когда Ши Вэй повёл Лу Юаньчжи в больницу, они не взяли отгул, но ситуация не была внезапной. Вернувшись, они объяснили ситуацию куратору и оформили отгул. Куратор ничего не сказал, лишь посоветовал беречь здоровье.

С куратором всё прошло гладко, но с преподавателями было сложнее.

Преподаватели в то время были очень строги, и пропуск даже одного занятия считался серьёзным проступком. Поэтому, помимо оформления отгула у куратора, нужно было ещё объясниться с преподавателями.

Лу Юаньчжи был своенравным, но к учителям относился с уважением. Ши Вэй ещё колебался, как начать разговор, но Лу Юаньчжи уже сказал:

— Пойдём, здесь рядом общежитие преподавателей. Ты знаешь, где живут те, кто сегодня вёл занятия?

Ши Вэй, конечно, не знал. В прошлой жизни он даже не окончил учёбу, провёл несколько лет в унынии, затем несколько лет упорно работал, и только потом снова связался с однокурсниками и преподавателями. Но к тому времени их отношения уже не были такими простыми — в них было больше корысти.

Лу Юаньчжи спросил у кого-то дорогу и повёл Ши Вэй к преподавателям.

Они вернулись уже довольно поздно, и когда вышли из общежития преподавателей, стало настолько темно, что дорогу уже было трудно разглядеть.

Яньцзинский университет, будучи одним из лучших, имел несколько фонарей на территории, но они стояли далеко друг от друга, оставляя большие промежутки темноты. Освещение было лишь на определённых участках.

Территория университета была немаленькой, а площадь зелёных насаждений даже превышала многие парки.

— Шуршание...

Лу Юаньчжи заметил, что Ши Вэй время от времени оглядывается назад, и подумал, что тот боится. Ведь за те дни, что они провели вместе, Ши Вэй оставил впечатление не самого смелого парня.

Неудачник, робкий, бедный... Всё это делало его типичным «маленьким несчастным». Мысль о

том, что он может бояться темноты, не казалась невероятной.

Лу Юаньчжи не испытывал особого желания защищать Ши Вэя, но тот помог ему днём, хорошенько разозлив Бай Ифань, что очень порадовало Лу Юаньчжи. Он решил, что должен отплатить добром и взять на себя роль сильного мужчины, чтобы дать Ши Вэю чувство безопасности.

— Придвинься поближе, ничего страшного.

Лу Юаньчжи, неожиданно для себя, подумал о самолюбии Ши Вэя, и его слова, прежде чем вырваться наружу, несколько раз прокрутились на языке. Это было очень деликатно, но такая деликатность только вызвала недоумение у Ши Вэя.

«Что это значит?»

Ши Вэй задумался, оглядывая тёмный кампус. Тени деревьев, отбрасываемые лунным светом, казались особенно устрашающими.

В прошлой жизни Ши Вэй мало знал о Лу Юаньчжи, и ему пришло в голову, что парни в этом возрасте часто имеют странные фантазии: мечтают о сверхъестественных способностях, о... призраках.

Ши Вэй сразу понял: в таком возрасте много мыслей — это нормально. Темнота, тени, едва уловимые звуки — всё это могло навести Лу Юаньчжи на мысли о призраках.

— Хорошо, я могу держать тебя за руку?

Ши Вэй с пониманием предложил выход парню, который, боясь призраков, всё же старался казаться сильным. Лу Юаньчжи был настолько гордым человеком, что его попытка деликатно попросить о помощи говорила о том, насколько он напуган!

Ши Вэй, испытывая одновременно сочувствие и нежность, решил помочь Лу Юаньчжи справиться со страхом.

Лу Юаньчжи совершенно не понимал, что творится в голове у Ши Вэя. Увидев, как тот быстро придвинулся ближе, он даже почувствовал некоторую гордость. Бабушка всегда говорила, что он не умеет ладить с людьми, не умеет сохранять лицо и не знает, как дать другим выход. Но если бы она увидела его сегодня, то точно бы так больше не говорила!

Лу Юаньчжи радовался, что смог стать опорой для кого-то, а Ши Вэй с «отеческой» любовью смотрел на мальчика, который, находясь в подростковом возрасте, боялся призраков.

Их мысли были разными, но настроение одинаково радостным и счастливым.

Вернувшись в общежитие, соседи, увидев «уязвимость» Лу Юаньчжи, прониклись к нему ещё большим сочувствием и нежностью.

Лу Юаньчжи заметил, что взгляды соседей стали какими-то странными, но не мог понять, в чём дело. Ведь его жизненные условия вызывали зависть у большинства, и в их взглядах обычно читалось лишь восхищение и желание подлизаться. Сочувствие и нежность он видел редко.

Дни шли своим чередом, и наступила пятница. Ши Вэй, воспользовавшись обеденным

перерывом, когда все были в сборе, спросил у соседей:

— В эти выходные я собираюсь подработать на горе Сяншань. Вы хотите присоединиться?

— Подработка? Что это?

Ши Вэй встретился с четырьмя парами недоумённых глаз и только тогда понял, что слово «подработка» в то время ещё не было в ходу.

— Это когда мы находим иностранцев, договариваемся о цене и становимся их гидами, а заодно берём с собой кое-какие вещи, чтобы продать, если кто-то захочет.

Ши Вэй заранее договорился с людьми, и в этот день он закупил продукты быстрого приготовления, которые можно было съесть сразу после покупки. Кроме того, он взял с собой мелкие товары. В то время антикварный рынок в столице постепенно оживал, и подделок стало больше. Ши Вэй нашёл канал и оптом закупил монеты, веера, браслеты и другие безделушки. Он специально выбрал подделки, которые стоили недорого, но имели оттенок «местного колорита».

— Это... это сработает?

Хотя все четверо были уже почти взрослыми парнями, они не походили на тех подростков, которые считают себя «центром вселенной». Они едва справлялись с тем, чтобы не прятаться в своём мире, полном робости и неуверенности.

Всё в столице отличалось от их прежней среды, и всё вызывало у них страх и чувство отчуждения.

— Иностранцы, иностранцы смогут...

Линь Фэн покраснел и начал заикаться.

Идеи менялись каждый год, и в то время общество стремилось «учиться у Запада». То, что предки с трудом свергли десятилетия назад — «западных господ», — снова стало возвышенным.

В экзамене гаокао был английский, но большинство студентов даже на китайском говорили с трудом, а английский знали лишь на уровне «узнавания» букв, не говоря уже о письме или произношении.

Ши Вэй хорошо помнил, что на экзамене гаокао он набрал более семидесяти баллов по английскому, что считалось неплохим результатом. Но только после 2000 года, когда его бизнес начал расширяться за границу, он под давлением смог немного улучшить своё произношение, чтобы его хотя бы понимали.

— Не волнуйтесь, давайте посмотрим на это с другой стороны. Разве это не хорошая возможность? Иностранцы не говорят по-китайски, нам нужны деньги, а мы знаем английский. Мы можем обменяться: заработать деньги и заодно потренировать английский. Разве это не здорово?

Небольшая комната мгновенно погрузилась в тишину.

Лу Юаньчжи обычно мало разговаривал в общезитии. Отношения между шестью соседями

хоть и не были такими напряжёнными, как в прошлой жизни, но оставались лишь обычными отношениями однокурсников. Друзьями их назвать было сложно.

Ши Вэй взглянул на равнодушного Лу Юаньчжи, затем на колеблющихся и нервничающих соседей и почувствовал некоторое разочарование.

Шесть человек в комнате, честно говоря, в прошлой жизни не были близки. Все были заняты — то учебой, то книгами. Каждый старался оправдать ожидания семьи, давя на себя. Поэтому такие вещи, как «неразлучность» или «ходить в туалет вместе», казались пустой тратой времени.

Но даже при том, что они были просто соседями, когда Ши Вэй стал инвалидом, те, у кого были скромные доходы, всё же откладывали часть своих скудных средств, чтобы помочь ему справиться с трудностями.

Эта дружба осталась в сердце Ши Вэя.

— Что? Я просто предложил...

<http://bllate.org/book/16388/1484027>